

НОРМА СТАР

Тостиница

Дом с запасной Весной

Сезон 1 · Лето под крышей

Норма Стар

**Дом с запасной весной.
Лето под крышей**

«Автор»

2026

Стар Н.

Дом с запасной весной. Лето под крышей / Н. Стар — «Автор»,
2026

Июльским утром постоялец Марты просит лопату. В седьмом номере началась метель. В Вельсе погоду хранят в сосудах: солнечный день можно заказать на свадьбу, а прохладную ночь — вместе с комнатой. Марте тридцать пять, у неё девять гостевых комнат и столько забот, что на собственный завтрак порой не остаётся времени. Когда чужая непогода выходит из-под контроля, приходится звать мастера Эрика — человека, с которым Марта однажды сходила на свидание. Тогда каждый решил, что продолжение другому не нужно. Теперь им снова приходится работать вместе. Но за разговором о ремонте легко спрятать приглашение на ужин, а за привычкой помогать всем — собственное желание быть счастливой. Впереди — лето у моря, своенравная магия, соседи со своими планами и возможность наконец услышать друг друга. «Лето под крышей» — первый сезон серии «Дом с запасной весной». Предисловие и восемь связанных рассказов составляют завершённую историю. Читать по порядку.

© Стар Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
Рассказ 01. Метель в седьмом номере	6
Рассказ 02. Солнечный день напрокат	17
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Норма Стар

Дом с запасной весной. Лето под крышей

Предисловие

Хорошо бы иметь дома немного запасного лета. Открыть его в промозглый вечер, когда пальцы никак не согреваются, а за окном слишком рано зажглись фонари. Пусть снова пахнет нагретой травой, пусть на несколько минут станет светлее — ровно настолько, чтобы вспомнить длинный день, в котором было время для всего.

В Вельсе погоду действительно умеют сохранять. Её собирают в сосуды, покупают для садов и праздников, заказывают вместе с комнатой в гостинице. Здесь работают мастера, которые могут принести прохладную ночь или убрать чужую непогоду. Правда, дождь всё равно оставляет лужи, а ветер не становится послушнее оттого, что за него заплатили.

Марта знает это лучше многих. У неё девять гостевых комнат, связка ключей и привычка замечать, кому пора предложить сухое полотенце. Для собственного завтрака времени порой не остаётся. У Эрика есть инструменты, ремесло и планы на мастерскую. Когда-то они сходили на свидание, после которого каждый решил, что другому продолжение не особенно нужно.

Мне хотелось написать об этих двоих, не освобождая их заранее от работы, друзей, упрямства и сложившихся привычек. О том, как интересно узнавать человека, который умеет справляться с трудным делом и всё-таки может растеряться перед простым приглашением. Как приятно сидеть рядом, не торопясь придумывать повод остаться. И как нелегко бывает попросить о том, чего действительно хочешь.

Вокруг них живут люди, у которых тоже есть свои дела: сад, кухня, лодочный спуск, стекольная мастерская. Они умеют помогать, торговаться, отказывать и приносить к столу что-нибудь вкусное. Я надеюсь, что со временем вам захочется возвращаться не только к Марте и Эрику, но и к этому двору, где чужой разговор слышен через открытую калитку.

Восемь рассказов собраны здесь в одно лето. Их лучше читать по порядку: у каждого есть собственная история, но встречи продолжаются, а сказанное за одним столом может вспомниться за другим. Можно остаться на один рассказ или задержаться дольше.

А начнётся всё июльским утром. Завтрак уже стоит на подносе, хозяйка поднимается по лестнице, и гость за дверью задаёт вопрос, которого она совсем не ожидала.

Добро пожаловать в Вельсу.

Норма Стар

Рассказ 01. Метель в седьмом номере

— У вас есть лопата? — спросили из-за двери.

Марта посмотрела на поднос: кофейник, булочка, два яйца всмятку. Вчера господин Рубен нашёл завтрак превосходным.

— Садовая. А зачем вам?

— Полагаю, обычная тоже подойдёт.

Под дверью появилась белая полоска. Пока Марта на неё смотрела, полоска доползла до носка её туфли и намочила кожу.

Она поставила поднос на пол.

— Рубен, отойдите от двери.

Ключ повернулся свободно. Дверь удалось приоткрыть на ладонь; дальше что-то мягкое, тяжёлое не пускало. В щель вылетели снежинки. Одна растаяла у Марты на губе.

— Я просил прохладную ночь, — сказал постоялец. — Ночью ещё можно было спать. Но минут пять назад началось вот это.

Марта потянула крышку погодной ниши рядом с дверью. Вынула колбу, закрыла гнездо. Стекло было едва прохладным, и на доньшке шевелилась последняя серебристая дымка — остаток ночного запаса.

Из комнаты по-прежнему сыпало.

— Снег откуда идёт?

— Из угла у шкафа. Сейчас уже до кровати. Я бы предпочёл выйти.

Голос у него изменился. Марта бросила колбу в карман передника.

— Идите к окну. Вы сможете его открыть?

— Уже. Но тут второй этаж.

— Я знаю.

Она не стала добавлять, что сама моет эти окна с наружной лестницы дважды в год. Постояльцу сейчас вряд ли требовалось подтверждение её хозяйственности.

На повороте коридора появилась Раиса с чистыми полотенцами. Посмотрела на снег, на поднос, снова на снег.

— За Эриком пошлите, — сказала Марта. — Адрес в книге. Хлеб ещё привезли?

— Тележка во дворе.

— Пусть съездят к нему. Здесь холод идёт мимо комнатной подачи. Соседей вниз, никого пока не селить. Я за лестницей.

— Марта.

Она обернулась.

Раиса показала на её ноги:

— Туфли сними. Поедешь вместе с лестницей.

* * *

Двор пах мокрой плиткой, кофе и морем. Над стеной соседского питомника торчали розовые кисти тамариска. На верёвке сохли наволочки. Было пятнадцатое июля.

Из окна второго этажа летел снег.

Рубен стоял в проёме в рубашке, натянутой поверх ночной. За его плечом белели крышка шкафа и согнутая под тяжестью занавеска.

— Лестница сейчас будет, — крикнула Марта.

Она вытащила её из-под веранды. Длинная, неудобная вещь задела цветочный горшок. Осколки брызнули на плитку; Марта переступила через них.

Из-за садовой калитки выглянул Нольд.

— Ты мне тамариск заморозишь.

— Подержи низ.

Он перевёл взгляд наверх, молча прошёл в калитку и взялся за лестницу. Вдвоём они упёрли её ножки в шов между плитами. Марта поднялась, прихватив с верёвки сухое полотенце.

Наверху было по-зимнему тихо. Городские звуки остались внизу, а здесь снег шуршал о дерево и ткань. На рукаве Рубена таяла крупная звёздочка; сам он смотрел на лестницу так, будто та могла изменить своё мнение и отойти от стены.

— Я не очень хорошо лазаю, — сказал он.

— Здесь торопиться не надо. Вытрите руки.

Марта протянула полотенце. Его пальцы были красными и двигались неловко. Она удержала ткань, пока он растирал ладони, потом обернула ею мокрый подоконник.

— Сначала сядьте. Вот сюда, ближе ко мне.

Он послушался. Из комнаты дохнуло холодом. Марта разглядела у кровати коричневый чемодан: снег засыпал его до ручки.

— Инструменты, — сказал Рубен, заметив её взгляд.

— Потом.

— Их нельзя так оставлять.

Она посмотрела на него. Подбородок у него дрожал, и он прижимал губы, стараясь это остановить.

— Я запомнила, где они. Сейчас ногу сюда.

Она не обещала достать чемодан немедленно. Рубен, помедлив, перенёс ногу через подоконник.

Когда он встал на первую перекладину, Марта спустилась на ступень ниже. Сверху всё время сыпало за ворот; мокрый край платья прилип к колену. В тридцать пять лет она впервые выводила гостя из номера таким способом и очень надеялась не приобрести привычки.

Внизу кто-то подставил под лестницу деревянный клин.

— Нольд, держи левую стойку. Я эту, — сказал знакомый голос.

Марта не посмотрела вниз.

— Ещё ступень, Рубен. Хорошо. Теперь левая нога.

— Она у меня не хочет.

— Пусть правая подождёт.

Он коротко, судорожно рассмеялся и сумел переставить ногу.

Последние ступени дались ему легче. Эрик принял его под локоть. Рубен ухватился за его плечо и несколько секунд стоял на плитке, не разжимая руки.

Раиса уже ждала с одеялом.

— На кухню. Сядете возле печи. Хлеб я отправила за мастером, так что будете есть вчерашний.

Рубен позволил завернуть себя и увести.

Марта спрыгнула с нижней перекладины. Только тут обнаружилось, что босые ноги почти не чувствуют пола.

Эрик снял с плеча рабочую сумку.

— Кто-нибудь ещё наверху?

— Нет.

— Подачу закрыла?

Она достала из кармана колбу. Он подержал её между ладонями, перевернул.

— Это не отсюда.

— Я тоже так думаю.

За одиннадцать месяцев он почти не изменился. Седины у висков, пожалуй, стало больше; пуговицу у ворота он всё так же оставлял расстёгнутой. На том ужине Марта успела

разглядеть светлую полоску кожи под воротником прежде, чем Раиса послала за ней из-за протёкшей ванны.

Сейчас на полоске кожи лежала снежинка.

— Тебе бы обувь, — сказал Эрик.

— Мне бы гостя без обморожения и номер без сугроба.

— Гость уже внизу. Где твои ботинки?

Она кивнула на служебную дверь. Эрик подал ей сумку, сходил и вернулся с ботинками и шерстяными носками, висевшими у печки. Поставил обувь на ступеньку, забрал сумку и занялся ремнями, пока она одевалась.

От этого маленького такта ей стало почему-то особенно неловко за собственный резкий ответ.

— Спасибо, — сказала она.

Он поднял голову:

— Показывай стену.

* * *

В коридоре уже лежало мокрое полотенце: Раиса преградила воде дорогу к лестнице. Завтрак исчез. Марта обнаружила, что ей хочется кофе с такой силой, словно от него зависела исправность гостиницы.

Эрик не стал толкать дверь. Поднёс к щели узкую мерную пластинку, подождал, пока посветлеет нанесённая на неё полоса, и убрал в сумку.

— Холод и снег. Без примеси. Когда здесь последний раз что-нибудь меняли?

— Колбу вчера вечером. Было холоднее, чем просили.

— После замены?

— Стало нормально. Я подождала.

— Сколько?

Она вспомнила, как стояла в дверях с новым сосудом, пока Рубен раскладывал на столе обёрнутые тканью инструменты. Внизу звонили: приехали двое без предупреждения, просили комнату с западным окном.

— Минут пять.

Эрик кивнул, запоминая. Отсутствие упрёка не облегчило дело. Марта сама знала, что пять минут — мало.

— Раисе ты сказала?

— Нет. Я решила, что всё исправила.

Он провёл рукой вдоль стены, не касаясь штукатурки.

— Когда она вернётся, спросим, не замечала ли чего ночью. Что по другую сторону?

— Бельевая.

Марта открыла её своим ключом. Здесь пахло мылом и сухим деревом. Простыни лежали стопками на широких полках. На средней белела тонкая полоска инея — ровно на том месте, где дерево примыкало к стене.

Она сняла простыни. Нижние оказались влажными.

За шкафом, поверх старой покрашенной панели, проступала ледяная дуга.

— Поможешь сдвинуть? — спросил Эрик.

У шкафа заедала ножка. Марта знала, где именно надо приподнять; Эрик послушался её, и тяжёлая мебель отошла без привычного скрежета. За ней обнаружилась небольшая дверца, заклеенная по краям обоями.

— За семь лет ни разу не видела, — сказала Марта.

Эрик достал нож. Под обоями был старый медный узел: круглый затвор, два отвода и рычаг, покрытый белой коркой. Толстая жила уходила вниз, в перекрытие. К нынешней комнатной нише тянулась гораздо более тонкая трубка — поздняя, с другими креплениями.

Марта подала ему фонарь. Он посветил, нашёл место для пластинки и осторожно вставил её. Светлая полоса пошла вверх.

— Вот подача в номер. Она здесь соединена со старой веткой, до твоего крана. Поэтому снятая колба ничего не изменила.

— А этот круглый можно закрыть?

Он коснулся его рукоятки. Из-под ободка посыпался иней, раздался короткий скрип.

Эрик сразу отпустил.

— Под такой нагрузкой сорвём. Сначала нужно принять погоду сюда. — Он показал на свободный боковой отвод. — Снимем давление, закроем ветку.

— У тебя есть приёмник?

— Есть. Мал.

Она посмотрела на сумку.

— Насколько мал?

— Заполнится, прежде чем я успею повернуть затвор.

По полу протянуло холодом. Марта присела и увидела, как на краю дверцы растут кристаллы — быстро, один поверх другого. Красиво было бы, если бы это происходило не в её бельевой.

— Во дворе можно выпустить?

— Напрямую нет. Не знаю, сколько там. Того, что идёт сейчас, хватит, чтобы испортить и двор, и соседний сад.

Марта поднялась. В служебной кладовой стояли два маленьких пустых сосуда для комнатной погоды. Ещё один Нольд одолжил под дождь. Большой накопитель был только на веранде.

Она уже знала, что скажет, но всё-таки спросила:

— У стеклодувов нельзя взять?

— Кто-нибудь должен сходить, найти подходящий, привезти. Потом проверка. — Эрик присмотрелся к пластинке. — Здесь лучше не ждать.

— У меня есть праздничный.

Он посмотрел на неё:

— Пустой?

— Будет пустой.

* * *

Большой накопитель стоял за занавеской веранды, в нише, куда не попадало прямое солнце. У него были широкие медные обручи и два небольших колеса. Сквозь матовое стекло просвечивало золотое.

На ручке висела карточка: «19 июля. Двор. Свадьба».

Марта сняла её прежде, чем Эрик успел прочитать. Потом рассердилась на себя и положила карточку сверху.

— Я обещала сухой тёплый день. Они хотят обед во дворе.

Эрик обошёл накопитель, проверил клеймо возле нижнего обруча.

— Для снега подойдёт. Сколько здесь осталось?

— Почти всё. Я собирала хорошую погоду два месяца. Отберём в малые на церемонию, но обед ими не вытянуть.

Марта принесла из кладовой оба пустых сосуда. Они перелили столько, сколько те могли вместить, и закупорили. Большой накопитель всё ещё светился почти до горловины.

Они смотрели на стекло. Внутри медленно светлело и тускнело, как бывает в июне, когда небольшое облако ненадолго закрывает солнце.

Марта представляла этот обед очень ясно. Длинный стол, белая скатерть, тень тамариска у дальней стены. Невеста просила не розы, а горшки с пряными травами, чтобы гости забрали их домой. Марта тогда подумала, что с такими людьми приятно работать.

Входная дверь хлопнула. Раиса принесла сухой передник.

— Рубен отогрелся. Говорит, у него к десяти инструмент настраивать. Я послала предупредить, что задержится.

— Спасибо.

— В чём дело?

Марта показала ей карточку.

Раиса взяла её двумя пальцами, прочитала.

— Совсем всё?

— Из этого сосуда — да.

— Тогда им сегодня надо сказать.

— Я сперва узнаю, нельзя ли купить...

Раиса подняла глаза.

— Хорошо, — сказала Марта. — Сегодня.

Эрик дал ей ключ выпуска.

— Дворовый контур исправен?

— Утром проверяла. Все за столами?

— В гостиной, — ответила Раиса. — Нольд у себя. Я предупрежу, чтобы в эту сторону не выходили.

Они открыли створки веранды. Эрик проверил ограничивающую полосу у порога, Марта — четыре привычные метки по краям двора. Здесь она знала каждый стык. В июне корень садового дерева приподнял одну пластину; она переставила её и трижды проверила двор маленьким дождём. Сейчас полоса нигде не прерывалась.

Эрик соединил накопитель с дворовой подачей. Марта повернула ключ.

Первым пришёл запах нагретой травы.

Она не ожидала и на секунду прикрыла глаза. Это был тот самый день: они собирали погоду на склоне за Вельсой, подальше от морской сырости. У неё потом болела спина от тяжёлого сосуда, и всю дорогу домой хотелось сладкой холодной груши.

Теперь склон оказался здесь, между оштукатуренными стенами. На верёвке вспыхнули белизной наволочки, затвердели, зашевелились. По мокрым плитам прошла светлая полоса; над перилами поднялся пар. Тень тамариска стала резкой, как вырезанная.

Марта чувствовала, как сохнет платье на спине. Тепло добралось до шеи, до волос, которые она утром заколола ещё влажными.

Снег, выпавший из седьмого номера, быстро оседал на подоконнике. Из окна тут же прилетал новый.

Эрик стоял рядом, придерживая соединение. Он запрокинул лицо к свету. Уголки глаз собрались в морщинки, и Марта вспомнила, как он шурился за столиком на набережной. Тогда он рассказывал, как в начале июля отмечал сорокапятилетие; она слушала и думала, что впервые за долгое время ей никуда не хочется уходить.

Пока за ней не пришли.

Сейчас ей тоже хотелось задержаться.

В стекле погас последний золотой отсвет. Тень смягчилась. Осталось обыкновенное приморское утро — тёплое, чуть ветреное, с низкими облаками над водой.

Эрик выждал, проверил сосуд.

— Пусто.

Марта закрыла ключ и положила в карман карточку со свадьбой.

— Давай грузить.

* * *

Нольд помог поднять накопитель по служебной лестнице. На последнем повороте пришлось снять перила; винты Марта сложила в чашку из-под остывшего кофе. Пока мужчины удерживали сосуд, она вытащила из-под его колеса край дорожки.

В бельевой стало совсем холодно. Влажные простыни затвердели, оставленные на полу. Эрик переступил через них, снова посмотрел на мерную полосу.

— Ещё успеваем.

Накопитель поставили на площадке, у самой двери. Нольд подложил клинья под колёса и вернулся вниз: у него оставалась открыта теплица. Марта на секунду позавидовала его возможности уйти туда, где происходило что-то обыкновенное.

Эрик разложил на полу плотный рукав, соединяющий боковой отвод с приёмником. Проверил крепления, провёл по стеклу маленьким фонарём. Взял два запасных уплотнения, одно отложил.

Марта ждала. Из комнаты донёсся глухой звук. Кажется, не выдержала вешалка.

— Подходит? — спросила она.

— Да. Сейчас я ещё...

Он опять поднял отложенное кольцо, сравнил с первым. Марта смотрела, как поворачиваются его пальцы. Медленно. Очень тщательно.

— Эрик. Если подходит, ставь.

Он замер на мгновение, потом кивнул и убрал запасное.

Ей достался рычаг отвода. Эрик показал, до какой насечки его нужно довести. Чем шире она откроет, тем больше снеговой подачи уйдёт в приёмник — и тем скорее тот заполнится. На установленный сбоку затвор он наложил длинный ключ.

— Откроешь по моему слову. Держи ровно. Когда скажу закрывать — закрывай, даже если у меня ещё не получится. Не будем рисковать сосудом.

— И снова в комнату?

— Да. Тогда остановимся и попробуем иначе.

Она посмотрела на дверь седьмого номера. Между створкой и косяком оставалась узкая щель; из неё доносился сухой шорох. Очень не хотелось начинать заново.

— До какой отметки он выдержит?

Эрик показал черту на горловине.

— Я слежу. Но ты тоже смотри.

Он достал для неё рабочую перчатку — свои Марта оставила возле садового инструмента. Перчатка была велика; Эрик подтянул застёжку у запястья. Его пальцы на мгновение коснулись голой кожи выше манжеты.

— Чувствуешь рукоятку?

— Да.

— Хорошо. Открывай.

Рычаг поддался тяжелее, чем она ожидала. Марта поставила ногу чуть дальше, упёрлась плечом в край дверцы и довела его до насечки.

Рукав дёрнулся. По нему пробежала белая полоса; золотистое прежде стекло помутнело, внутри завертелся снег. В комнате сразу стало тише.

Эрик нажал на ключ.

Затвор не пошёл.

Он переставил руку, подождал. На его виске выступила капля пота. Марта поймала себя на том, что задерживает дыхание вместе с ним, и шумно выдохнула.

Полоска на горловине приёмника ползла к черте.

За стеной снег перестал скрести о дверь. Теперь весь этот тихий шелест был здесь, на площадке. В сосуде ничего нельзя было разглядеть; только под самой горловиной оставался прозрачный ободок.

Эрик снова нажал.

Круглая рукоятка сдвинулась на четверть оборота. Скрипнули старые крепления.

Марта невольно подалась к нему. Ключ был длинный, они могли бы нажать вдвоём. Пальцы ослабили хватку, и рычаг тут же пополз назад. В седьмом номере зашумело сильнее.

Она вернула его к насечке.

— Держишь? — спросил Эрик, не поворачиваясь.

— Держу.

Край дверцы впивался ей в плечо. Марта переставила ногу и смотрела теперь только на полоску под горловиной. Ещё немного — и надо будет сказать ему остановиться. Она уже подобрала слова, короткие, без просьбы успеть.

Ключ вдруг подался.

Эрик довёл рукоятку до упора и проверил мерную пластинку у стены.

— Закрывай.

Рычаг вывернулся у неё из ладони; она придержала его второй рукой, довела до конца. Эрик перекрыл горловину приёмника.

Шелест стих.

Марта всё ещё стояла, упираясь плечом в дверцу. От неподвижной руки медленно отходила боль.

— Всё?

— Подача закрыта. Сейчас проверю.

Марта отошла к стене и села прямо на стопку замёрзших простыней. Холод пробрал через юбку, но вставать она не стала.

Эрик держал пластинку у соединения, потом у дверной щели. Вынул трубку, соединявшую старый узел с номером, и поставил на отвод сплошную заглушку. Подождал ещё.

Из седьмого номера больше не сыпало. Слышно было, как во дворе Нольд передвигает лестницу обратно под веранду.

— Эта ветка отсечена, — сказал наконец Эрик. — Снега больше не будет.

Марта прикрыла глаза.

Через минуту он тронул её за плечо.

— Только сидеть здесь всё-таки не советую.

Она подняла на него глаза и засмеялась. Негромко, устало; ничего смешного в словах не было. Просто рука больше не держала рычаг, и ей можно было встать.

* * *

Лопата всё-таки понадобилась.

Рубен стоял в коридоре в позаимствованном у Нольда вязаном жилете. Жилет был зелёным и застёгивался только на две средние пуговицы. На вопрос Раисы, зачем Нольду летом такой жилет, тот ответил, что у него в питомнике иногда случаются утренние посетители с погодой.

Из комнаты выносили снег. Уже мокрый, тяжёлый, пахнувший пылью и деревянной мебелью. Ведро со стуком принимало очередную порцию, и никакого чуда в этом звуке не было.

Когда дверь открылась достаточно, Эрик и Марта вошли. Он проверил промёрзшую стену; Марта добралась до кровати и откопала чемодан.

Тот прилип к полу. Марта не стала дёргать, расчистила вокруг и подождала, пока под краем выступит вода. Потом взяла обеими руками.

Рубен принял его молча.

На столе внизу он расстелил полотенце, осторожно положил чемодан на бок и вытер застёжки. Открыл. Марта ждала рядом, подперев стул ногой: ей казалось важным, чтобы ему немедленно нашлось куда сесть.

Он по одному вынул узкие свёртки. Развернул первый, проверил металл, сухую деревянную ручку. Второй. Третий.

— Внутри сухо, — сказал наконец.

Его плечи опустились. Только сейчас Марта поняла, как сильно он был напряжён всё это время.

— Я рада.

— Хороший чемодан. Дороже, чем следовало. — Он провёл ладонью по коже. — Жена тогда сказала, что я купил себе дом для щипчиков.

Марта улыбнулась.

— Она была права?

— Весьма удобный дом. С сегодняшнего дня буду о нём лучше отзываться.

Он сел. Марта придвинула ему чашку.

— За номер я верну деньги. Другую комнату приготовим, когда мастер закончит проверку. С одеждой тоже разберёмся. Если из-за задержки потеряете заказ, скажите мне.

— Я заказ не потеряю. Меня подождут. — Он отпил, поморщился. — Это что?

— Кажется, ваш кофе.

— Тогда его первым и возместите.

На этот раз они улыбнулись оба.

Марта забрала чашку. Рубен потянулся к чемодану и придержал Марту за рукав свободной рукой.

— Спасибо, что вернулись за ними.

Она посмотрела на мокрую кожу чемодана.

— Я не была уверена, что смогу их достать.

Рубен кивнул и прижал крышку, проверяя, сошлись ли края.

В кухне Раиса принимала обратно хлеб. Посыльный рассказывал ей что-то, показывая на рукав, и Марта вспомнила, что он ездил за мастером вместо обычного маршрута. Заплатила ему за поездку, попросила оставить себе две булочки и дождалась, пока он уйдёт.

— Вчера в седьмом было слишком холодно, — сказала она Раисе. — Я заменила колбу и решила, что починила. Тебе не сказала.

Раиса поставила корзину на стол.

— Так вот почему. Рубен ночью позвонил, сказал, что снова прохладно. Я отправила ему второе одеяло — думала, подача ещё вырабатывает остаток.

Марта медленно кивнула.

— Эрику это надо знать. Я скажу.

— И мне надо было знать вчера.

— Да.

Раиса достала из-под стойки небольшую книгу, где записывали починку замков и сломанные ручки. Раскрыла на чистой странице, положила карандаш.

Марта написала дату, номер и две строки о вчерашней колбе. Подумала и дописала сегодняшнее.

— Если кран заклинило, не жди, пока я вернусь, — сказала она. — Заказывай мастера сама.

— Я и раньше могла заказать.

— И я не буду потом спрашивать, почему ты со мной не посоветовалась.

Раиса посмотрела на неё, потом придвинула книгу ближе.

— Это запишем отдельно.

* * *

К полудню в коридоре лежали тряпки, по двору ходили люди с вёдрами, а седьмой номер был закрыт на просушку. Марта видела в окно, как Нольд наполняет талой водой свою бочку. Перед этим он отставил в сторону ведро с грязью и собственноручно выловил из другого отломанную пуговицу.

Проверка оставшихся комнат заняла больше часа. Эрик прошёл все подачи, осмотрел соединения в подвале и вернулся с перепачканными коленями. В остальных комнатах старых подключений не нашлось: их питала только новая разводка. После повторного замера разрешил ими пользоваться. В седьмой велел ничего не подключать до его возвращения.

В этот раз Марта попросила его объяснить всё и Раисе.

Рубен переселился в третий номер, сменил чужой жилет на своё пальто и ушёл настраивать инструмент. На пороге остановился:

— Сегодня без прохлады. Любой.

— Окно, — обещала Марта. — Только окно.

Она проводила его до калитки и наконец вернулась на веранду.

Эрик заканчивал счёт за работу. Марта взяла листок, пробежала глазами.

— Здесь только твои часы.

— Ещё заглушки и кольцо. Внизу.

— А новый снег? Ты заберёшь его?

— У меня как раз заказ на холод для рыбного склада. Проверю запас ещё раз у себя. Если подойдёт, вычту из счёта. Сосуд потом верну.

Она кивнула. Это поможет, но хорошего летнего дня из этого снега не получится. Эрик, видно, подумал о том же и не стал её утешать.

— С кем говорить о погоде к свадьбе? — спросила Марта.

Он назвал двух сборщиков.

— У первого может быть готовый запас. Но я не знаю, сколько.

Она записала имена на обороте карточки и отложила её, чтобы не забыть разговор с заказчиками.

— А под домом что?

Эрик положил карандаш.

— Пока знаю только, что старая подача уходит под пол. На доступном участке сухо, заглушки держат, показания не меняются. К комнатам она больше не подключена. Завтра принесу другой прибор, посмотрю, куда ведёт дальше.

— Самый большой?

— Для начала тот, который туда пролезет.

Она улыбнулась. Эрик устало потёр шею. В сумке у его ног звякнуло стекло; он поморщился, нагнулся и переложил инструменты.

— Надоело всё возить с собой, — сказал он. — Половину утра ищешь место, где разложиться. Хочу уже свой стол. Чтобы оставил вечером разобранный вещь, а утром она на том же месте.

— У меня утром на таком столе обнаруживается завтрак для шестерых.

— Вот поэтому мне нужна мастерская, а не гостиница.

— Мне иногда тоже.

Он посмотрел на неё с любопытством, и Марта пожала плечами. Объяснять сейчас про два будущих номера и надежду наконец купить себе свободные вечера не хотелось. Она вдруг очень устала от любых подсчётов.

Со двора донёсся звон посуды. Раиса поставила на стол тарелку с толстыми ломтями тёплого хлеба, масло и два яйца, на этот раз сваренных вкрутую.

— Ваши утренние я выбросила. Эти ещё можно есть без часов.

Марта потянулась за кофейником.

— Я принесу чашки.

— Здесь чашки, — сказала Раиса и ушла.

Они стояли у неё под рукой.

Марта села. Эрик остался на ступеньке веранды.

— Ты уже завтракал?

— Я собирался.

Она подвинула второй стул. Он поставил сумку под скамью и сел напротив.

Первый глоток кофе был почти болезненно хорош. Марта отломилла хлеб, намазала маслом, посолила. Ела, чувствуя, как возвращается голод, с которым некогда было разбираться. Эрик чистил яйцо над блюдцем. Молчание постепенно перестало быть рабочим — тем, в котором каждый ждёт, когда другой закончит и даст следующий инструмент.

Теперь они просто сидели за столом.

На верёвке хлопнула наволочка. Марта посмотрела на его руку с зажатой между пальцами скорлупкой. На прошлогоднем ужине он взял её за руку, когда помогал сойти с высокой набережной; она позволила себе чуть задержать пальцы. Потом весь вечер жалела, что отпустила.

— Кофе у меня лучше, чем в том месте, — сказала она.

Эрик поднял глаза.

— Где мы ужинали?

— Да.

— Там был неплохой.

— Сейчас ты мог бы сказать другое.

Он улыбнулся. В первый раз за утро открыто, без короткого движения одним уголком рта.

— Здесь лучше.

— Спасибо.

Она опустила взгляд на хлеб. Хотелось спросить, почему он не позвал её снова. И совсем не хотелось услышать ответ.

Эрик вытер пальцы салфеткой.

— Я иногда думал о том вечере.

Марта посмотрела на него.

Он собирался что-то добавить, но вместо этого повернул чашку ручкой к себе. Марта узнала это движение: ещё минута — и он спросит, где можно вымыть инструмент, а она начнёт объяснять.

— Завтра приходи раньше, — сказала она. — До осмотра.

— Насколько?

— На завтрак. В восемь.

Он не ответил сразу.

— Здесь? — спросил наконец.

— Здесь.

— Хорошо.

Она взяла кофейник, хотя обе чашки были почти полны, и поставила обратно.

— Сначала позавтракаем, — добавила. — Потом всё остальное.

— Договорились.

Из служебного прохода появилась Раиса с листком в руке.

— Марта, насчёт ужина...

— Через полчаса, пожалуйста.

Раиса посмотрела на накрытый стол.

— Через полчаса, — согласилась она.

Марта дождалась, пока стихнут шаги, и потянулась за маслом. Эрик одновременно подвинул к ней маслѐнку; их руки встретились на тѐплой керамике. Он не убрал свою сразу. Она тоже.

— Ещё хлеба? — спросил он.

— Да.

Он отломил ей мягкую середину, себе оставил корку. Марта положила хлеб на тарелку и осталась за столом.

Рассказ 02. Солнечный день напрокат

— Мне очень жаль вашего постояльца, — сказала Ада. — Но я всё-таки хочу свою свадьбу.

Марта убрала со стола счёт за просушку седьмого номера. Под ним лежало меню на девятнадцатое июля. Через четыре дня здесь должны были расставить горшки с пряными травами, накрыть длинный стол и выпустить во двор лето, которого больше не было.

Большую часть запаса пришлось израсходовать утром, чтобы освободить накопитель для снега. Иначе мастер не смог бы остановить утечку в гостевой комнате. Человек спасён, неисправная ветка отсечена — Марта уже объяснила это обоим заказчикам.

Ада слушала внимательно. Теперь она ждала, что предложит Марта.

— Я могу вернуть весь задаток, если вы решите перенести праздник, — сказала Марта. — Либо вернуть плату за погоду и предложить другой порядок. Еда, комнаты, обслуживание остаются. Обед можно устроить на веранде.

Томас повернулся к стеклянным дверям. За ними трепетали уже сухие наволочки; у стены стояли вёдра, на дне которых таял последний грязный снег.

— А просто купить солнце у кого-нибудь?

— Я уже спрашивала. У одного сборщика есть запас, но он оплачен для другого праздника. Второй вернётся с побережья двадцать первого.

— Забрать чужой заказ нам не надо, — сказала Ада.

Она провела пальцем по нарисованному на плане столу. На среднем пальце осталась тёмная полоска переплётного клея. Перед встречей она закрыла мастерскую раньше обычного; Томас явился прямо из своей бумажной лавки, с карандашом за ухом.

— Мы восемь месяцев выбирали день, когда всем удобно. Его не получится перенести вместе со столом.

Марта кивнула. Ей хотелось показать аккуратные комнаты, рассказать про чудесный пирог, ещё раз объяснить утреннюю аварию. Всё это Ада уже знала или не обязана была учитывать.

— Немного погоды мы сохранили в двух малых сосудах. Хватит на короткую церемонию, но не на обед во дворе. Завтра проверю точное время. На веранде будет сухо и без магии.

— Веранда — всё-таки комната, — сказала Ада.

Томас вынул карандаш из-за уха, покрутил в пальцах и положил на стол.

— Я уговаривал её праздновать дома. У меня места хватает.

— У тебя в столовой лежат три тюка бумаги.

— К свадьбе я бы убрал.

— Я знаю. — Ада коснулась его руки. — Но потом меня весь вечер спрашивали бы, где чашки и чем вытирать пролитое.

Марта посмотрела на неё с внезапным пониманием. Ада поймала этот взгляд.

— Здесь я собиралась просто выйти к нему в сад. Без подноса.

— Это можно устроить. Дайте мне до завтрашнего вечера. Я покажу оба места так, как они будут выглядеть. Не понравится — верну задаток целиком.

Ада взяла со стола план. Не сложила, продолжала рассматривать.

— Только не убеждайте меня, что дождь романтичнее. Я сама решу, нравится ли он мне.

— Хорошо, — сказала Марта.

Она принесла из кассы деньги за погоду. Томас пересчитал их, убрал в бумажник и вписал полученную сумму в свой экземпляр заказа. Марта с облегчением заметила, что Ада перестала сжимать край листа.

Это было пока всё, чего удалось добиться.

* * *

Наутро Эрик пришёл в восемь. Марта встретила его у накрытого стола, не в коридоре с ключами. Рабочую сумку он оставил у входа.

Они ели абрикосы со сливками. Один попался кислый; Марта сморщилась, а Эрик доел свою половину и только потом спросил, все ли такие.

— Теперь тебе придётся попробовать следующий, — сказала она.

Он выбрал самый мягкий и разломил над тарелкой. Сок потёк по большому пальцу. Марта протянула салфетку, но он уже слизнул каплю, и она несколько мгновений не знала, куда деть ненужную салфетку.

— Как прошёл разговор со свадьбой? — спросил он.

— Не очень хорошо. Они придут сегодня ещё раз.

Она положила руки на колени, подальше от карточки заказа.

— Но сначала ты расскажешь что-нибудь не про мою гостиницу.

Эрик задумался.

— Вчера видел стол для мастерской. Хороший, с нижними ящиками. Только у него одна ножка короче.

— И ты ушёл без него?

— Пока да. Он не пролезет в дверь съёмной комнаты.

— Можно снять столешницу.

— Тогда я останусь жить под хорошим столом.

Марта представила его постель между ящиками.

— Зато вещи будут под рукой.

— А короткая ножка — возле уха.

Марта засмеялась. Он улыбнулся ей через стол и потянулся за вторым абрикосом.

Она слышала, как Раиса разговаривает с кем-то на кухне. Не разобрала слов и впервые за долгое время не попыталась прислушаться.

После завтрака Эрик проверил заглушки и показания в подвале. Новых утечек не было. Чтобы проследить старую линию дальше, требовалось освободить доступ за кладовой; до этого ни он, ни Марта не собирались трогать запечатанные соединения.

Затем они вынесли малые сосуды во двор.

— Если не подавать на весь двор, — сказала Марта, — а только сюда, между дверью и деревом?

Она не раз меняла площадь контуров для маленьких заказов. Но прежде никогда не пыталась вместить чужую свадьбу в два комнатных запаса.

Эрик развернул мерную пластинку.

— Отметь место. Проверим расход.

Они отгородили небольшой участок переносными планками. Дверь веранды открывалась прямо в него; на другом конце свисали ветви тамариска. Марта принесла два стула, потом ещё четыре. Стало ясно, что остальные гости должны будут стоять полукругом.

— Старших посадим впереди. Всем видно?

Эрик сел на крайний стул.

— Если жених не решит встать за деревом.

Марта открыла первую колбу на несколько мгновений. По серой плитке скользнул свет, в ветвях проступила розовизна. На запястьях стало тепло. За границей маленького участка сушилась под обычным пасмурным небом полосатая дорожка.

Она закрыла подачу. Эрик проверил расход, затем второй сосуд.

— Около двадцати минут при такой площади. С учётом пробы. Я бы не обещал больше восемнадцати.

Марта взяла чистую карточку.

— Значит, пятнадцать для праздника. Остальное на вход и выход.

— И крыша поблизости. От ливня этот запас не защитит.

Она посмотрела на двери веранды. До них от самого дальнего стула было несколько шагов.

— Покажем и это.

Он снял мерную пластинку, вытер и убрал в футляр. Марта собирала стулья. После короткой пробы один из них всё ещё был тёплым; она задержала ладонь на спинке.

— Девятнадцатого я возьму два держателя, — сказал Эрик. — Будет проще сменить сосуд.

— Включи их и работу в счёт.

Он кивнул и поднял сумку.

— А после останься, — сказала Марта.

Эрик остановился у ступеньки.

— После церемонии?

— Когда закончишь. Будет еда. И музыка.

Она сдвинула стул к стене, немного громче, чем собиралась.

— Разумеется, я пойму, если у тебя другие планы.

— Других нет.

Он смотрел на неё, не помогая придумать ещё какой-нибудь повод для приглашения.

— Тогда я буду рада.

— Останусь, — сказал он.

Когда он ушёл, Марта обнаружила, что загородила стулом дверь. Пришлось отодвинуть его обратно.

* * *

К приходу Ады и Томаса на веранде стояли стол, два кресла и горшок розмарина. Марта накрыла скатертью только половину столешницы: хотела сначала разобраться с расстояниями, а не замаскировать тесноту цветами.

— Здесь восемнадцать человек вместе с вами, — сказала она. — Проходы остаются с обеих сторон.

Ада села. Томас обошёл стол, придерживая спинку соседнего стула, словно уже нёс тарелки.

Марта заметила, как Ада поднимает глаза к серому стеклу. С веранды был виден двор, но за её спиной вставал глухой буфет. При таком свете угол показался Марте таким же тесным, каким наверняка казался заказчице.

— А можно не один стол? — спросила Ада.

Марта посмотрела на неё.

— Мы ведь не станем весь обед сидеть лицом к одному и тому же человеку. Кроме нас с Томасом, конечно.

— Я выдержу, — сказал он.

— Ты половину времени будешь есть.

Он кивнул, соглашаясь с доводом.

У гостиницы были четыре небольших круглых стола. Марта держала их сложенными за буфетом: для больших обедов они казались неудобными. Сейчас Томас помог ей вытащить один.

Они переставляли мебель втроем. У окна нашлось место для пяти человек. Ещё один стол встал у распахнутых дверей. Ада принесла розмарин, примерила его в центре, убрала к краю.

— И не надо отдельного стола только для нас. Я хочу сесть рядом с сестрой. Она приедет с другого конца страны.

С кухни вышла Раиса. Посмотрела на четыре маленькие скатерти, на проход между ними.

— Три горячих блюда, каждое на четыре стола, — сказала она. — Это лишние руки. Если передуеливаем обед, мне нужны две помощницы, не одна.

— Я оплачу вторую, — ответила Марта.

Возле кассы она уже мысленно складывала просушку комнаты, утраченную погоду и ещё одну смену. Досада была не на Раису. В первоначальном расчёте всё сходилось гораздо приятнее.

— Тогда можно начать с тёплого хлеба, — сказала Раиса. — А рыбу подать позже. На плоском блюде она остынет, пока все найдут свои места.

— Только без отдельного меню для тех, кто сел у двери, — попросил Томас. — Я наверняка сяду именно там.

Ада впервые улыбнулась без усилия.

Они вышли во двор. Марта показала маленький контур и обе колбы.

— Пятнадцать минут тёплого света. После — обед здесь, под стеклом. Если дождь начнётся раньше, произнесёте обещания у открытых дверей. Сухое место мы приготовим сразу. Ждать на улице погоды не потребуется.

— А тосты? — спросил Томас.

— За столом. Там им ничто не угрожает.

Ада медленно прошла от двери к тамариску. Повернулась, посмотрела на Томаса, потом на Мартины руки, которыми та всё ещё придерживала пустое кресло.

— Не та свадьба, которую я себе представляла.

— Да.

— Но мне нравится, что можно видеть всех.

Томас подошёл к ней. О чём-то спросил вполголоса. Ада покачала головой, он подождал; затем она улыбнулась и кивнула.

Марта отошла к веранде, оставив их договорить.

Когда они вернулись, Ада попросила карандаш.

— Меняем столы. Горшки оставляем. И пятнадцать минут в саду — если не будет дождя.

Она вписала изменения в свой план, рядом с возвращённой суммой. Потом добавила:

— И мне нужен человек, который в этот день скажет остальным, где чашки.

— Их будет достаточно, — сказала Раиса. — А если не найдут, спросят у меня.

* * *

Девятнадцатого июля дождь начался ещё до рассвета.

Марта проснулась от ровного стука по жестяному подоконнику. Несколько мгновений лежала с открытыми глазами. Потом встала и стала собирать волосы. Кончики шпилек холодили пальцы.

Внизу пахло печёным луком и мокрыми травами. Две помощницы Раисы заносили блюда на веранду. Между столами можно было пройти, не поворачиваясь боком. Марта проверила дальнее кресло, предназначенное отцу Томаса: сесть было легко, подняться тоже.

Вместо тяжёлой дворовой гирлянды под стеклом висели льняные ленты. Их нарезали из оставшейся у Ады переплётной ткани. На одном краю ещё виднелась надпись карандашом; Марта хотела спрятать её, но Ада накануне велела оставить.

К полудню дождь стал тише. Эрик приехал с двумя оплаченными накануне держателями: в них можно было поочерёдно поставить малые колбы. Он вернул большой накопитель чистым и пустым. Перехваченный холод подошёл для его заказа; соответствующую сумму они вычли из счёта за ремонт. До стоимости потерянного солнечного запаса ей было далеко.

Пока они подключали держатели, Марта заметила свёрток в стороне от рабочей сумки.

— Что там?

— Рубашка.

— Для чего?

Эрик посмотрел на неё.

— Ты пригласила меня остаться.

Она пригласила его три дня назад, сразу после пробы. Теперь ей стало жарко под воротом.

— Я помню. Просто не думала, что ты привезёшь отдельную.

— В этой я полезу под настил. Садиться в ней за свадебный стол будет невежливо.

Он присел у соединения. Марта ещё секунду смотрела на свёрток, потом пошла встречать музыкантов.

Ада одевалась в четвёртом номере. Сестра уже закончила с причёской и спустилась вниз. Невеста стояла у окна, касаясь голым запястьем стекла. Платье оказалось густого синего цвета, без кружев. В руках она держала туфли.

— Во дворе ещё мокро? — спросила она.

— Да. Постелили нескользкую дорожку. Под деревом стулья пока накрыты.

— Хорошо.

Марта остановилась у двери. Ада повернулась к зеркалу и подняла волосы с шеи.

— Здесь застегните, пожалуйста. Сестра решила, что я справлюсь.

Крошечная петля пряталась под краем ткани. Марта застегнула её и отступила.

Ада повернулась боком, разгладила платье на бёдрах.

— Я семь раз меняла этот вырез. В конце концов швея забрала у меня ножницы.

— Удачно забрала.

— Вовремя.

Она засмеялась, потом села и надела туфли.

На столике лежали два узких листка. Ада взяла один, второй протянула Марте.

— Это Томасу. Он написал свои обещания у меня в мастерской и оставил на прессе.

Сказал, бумага должна распрямиться.

— Отнести?

— Положите ему в карман. Он опять начнёт искать место, куда её пристроить.

Внизу кто-то заиграл несколько пробных нот. Ада замерла, прислушиваясь. Марта с листком в руке вышла и тихо закрыла за собой дверь.

* * *

Дождь прекратился, когда гости уже допивали приветственный напиток. Под желобом ещё звенели капли, но на плитке больше не появлялись новые круги.

Марта вместе с помощницей сняла чехлы со стульев. Проверила под ногами дорожку, открыла дверь веранды. На случай нового дождя у окон были оставлены два свободных места для пары.

Эрик стоял у колб. Пока в рабочей рубашке, с закатанными рукавами. Марта провела взглядом по гостям: отец Томаса сел, сестра Ады поправила юбку, музыканты устроились под крышей. Праздник можно было начинать.

Она повернула ключ.

В мокрых листьях вспыхнули маленькие огни. Свет перебежал с капли на каплю, высветил розовые кисти тамариска. На плитку легли резкие тени, хотя вода осталась в швах. Марта почувствовала на плечах сухой летний воздух с запахом травы.

За пределами контура двор был серым. Чуть дальше стояли накрытые хозяйственные вёдра, над стеной тянулись тучи. Но здесь зелёный розмарин бросал отчётливую тень на платье гостя, и отец Томаса снял шляпу.

Ада появилась в дверях.

До дерева было всего несколько шагов. Она шла медленно, не подбирая платье: дорожку для этого и постелили. Томас ждал у свободного кресла. Увидев её, он вытащил из кармана листок, посмотрел, что держит, и поспешно убрал обратно.

Она улыбнулась ему.

Марта остановилась у стены. С этой стороны никому не мешала и могла наблюдать за подачей. Эрик показал ей большой палец: всё в порядке.

Томас говорил негромко. Со своего места Марта слышала не всё — что-то про свет в мастерской, который он привык видеть с улицы, и про утро, когда решился зайти туда без накладной. Ада опустила глаза на свои руки.

— Ты тогда принёс пустую папку, — сказала она.

Он кивнул. Гости засмеялись, и Томасу пришлось подождать.

Потом он говорил уже без листка. Марта перестала следить за словами. Она видела, как Ада слушает: неподвижно, чуть приоткрыв рот, будто всё ещё может услышать что-то неожиданное от человека, с которым восемь месяцев готовится к свадьбе.

На второй колбе ещё был защитный колпачок. Марта сняла его, положила рядом. Когда первая опустела, Эрик закрыл её держатель и открыл следующий. Свет едва заметно дрогнул на синем плече и выровнялся.

Ада развернула свой листок.

— Я написала слишком много, — сказала она Томасу. — А теперь ничего не могу прочесть.

Он потянулся было помочь, но она покачала головой.

— Не надо. Я знаю.

За верандой прокатился шум: ветер провёл по крыше новую полосу капель. Пока редкую. Марта посмотрела вверх. Часть гостей тоже подняла головы.

Запас ещё оставался. Но если ливень вернётся, тёплый свет не сохранит наряды сухими. Марта взяла с кресла сложенный большой зонт; дверной проход был свободен.

Ада продолжала говорить. Томас не смотрел на небо. Он слушал так внимательно, что Марта не стала приближаться, а только раскрыла зонт у края дорожки.

Первые капли оставили тёмные точки на его плечах. Ада засмеялась, коснулась губами его щеки и сама потянула его к веранде.

— Остальное под крышей, — сказала она. — Я ещё не договорила.

Гости поднялись. Отец Томаса опёрся на руку одной из помощниц. Никто не бежал; путь был короткий, и тяжёлый дождь застал последние спины уже у двери.

Марта убрала зонт. Эрик перекрыл вторую колбу, сохранив остаток. Свет потускнел. Тамариск снова стал мокрым деревом в обычном июльском дворе.

На веранде ещё двигали стулья. Ада не ждала, пока все усядутся.

— Я хотела сказать, что люблю тебя, — произнесла она. — И что с сегодняшнего дня на твоих тюках бумаги буду сидеть каждый вечер.

Томас протянул ей руку.

— Я куплю кресло.

— Два, — сказала Ада.

Она сложила листок и убрала ему в карман, поверх первого. Затем достала кольцо. Томас смотрел на неё, пока она надевала его, и очнулся только тогда, когда пришла его очередь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.